

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

В. Е. Головчинер

К ЮБИЛЕЮ НИКОЛАЯ ЭРДМАНА

Прошедший год среди прочих юбилеев отмечен и 110-летием со дня рождения Николая Робертовича Эрдмана.

Уже первая большая пьеса девятнадцатилетнего автора «Мандата» (1925) дала основание Вс. Мейерхольду обозначить масштаб его дарования в ряду Гоголя, Сухова-Кобылина, Чехова [1, с. 97], а одному из авторитетнейших зарубежных славистов – Миливое Йовановичу, со ссылкой на «мнение многих», видеть его вторую пьесу «Самоубийца» (1929) в «четверке лучших произведений мировой драматургии XX века!» [2]. Таким образом, востребованный самым авангардным – мейерхольдовским – театром своего времени Эрдман оказывается не только укоренен в традиции предшествующего ему XIX в., получающей в его творчестве перспективы развития, но и включен в число лучших авторов мирового театра XX в.

По словам Джона Фридмана, американского автора монографии о русском писателе, «мы живем в присутствии Эрдмана»: все телевизионные компании время от времени показывают остающимися эталонными в жанре музыкальной кинокомедии фильмы, сделанные с его участием: «Веселые ребята», «Волга-Волга». Поколения детей, и не только в России, смотрели и продолжают смотреть снятые по его киносценариям яркие, смешные игровые и мультипликационные фильмы: «Морозко» «Огонь, вода и медные трубы», «Варвара-краса, длинная коса», «В некотором царстве», «Дюймовочка», «Поди туда, не знаю куда» «Царевна-лягушка», «Оранжевое горлышко», «Остров ошибок» и множество других.

На родине художника его юбилей замечен, к сожалению, немногими. Несколько десятилетий настойчиво и заинтересованно занимающийся проблемами «возвращенной» русской литературы уже процитированный М. Йованович с горечью писал из Белграда в Париж: «То, что происходило и все еще происходит с Николаем Робертовичем Эрдманом и его творческим наследием, представляет собой явление уникальное даже в рамках издававшей виды подцензурной русской литературы советского периода. Портрета этого гениального художника, что называется, во весь рост просто не существует... Список текстов Эрдмана, несмотря на библиографические и исследовательские усилия по-

следних лет, далек от исчерпывающей полноты... Отечественные литературоведы и театроведы оказались неподготовленными к открытию архивных фондов, в которых находилась большая часть эрдмановских вещей <... > Невнимательное отношение к его наследию способствует тому, что Эрдман становится уже «жертвой века». За малыми исключениями, исследователи, публикаторы, издатели, еще живые свидетели и участники эрдмановских спектаклей молчат. Общества по изучению его трудов не существует, никто не устраивает «Эрдмановские чтения» (в то время как, к примеру, Добычин и Шаламов этой чести давно удостоены)» [2].

Очень много горьких «не» и «нет» в этой статье «Таких людей нет сейчас», опубликованной в парижской «Русской мысли» в день юбилея художника – 16 ноября 1910 г., много упреков, и справедливых упреков.

Но уже 1 февраля 2011 г. случилось радостное событие, которое можно, во всяком случае, хочется считать знаком разрушения сложившейся ситуации, – презентация изданного петербургской «Мастерской СЕАНС» солидного тома киносценариев Николая Эрдмана с большой хорошей вступительной статьей Анны Коваловой, с любовью и пониманием подготовившей этот том к изданию [3].

В том же ряду, думается, стоит открытие в Томске – последнем месте ссылки писателя – памятной доски художнику. Мысль о ее создании была высказана Джоном Фридманом на одной из научных конференций в Томском государственном педагогическом университете – он участвовал в работе секции, посвященной творчеству Эрдмана. Эту мысль подхватила и довела до нужного решения в Департаменте по культуре Администрации Томской области автор этих строк. Эскиз Тенгиза Базарова был осуществлен по заказу руководителя Департамента А. А. Кузичкина.

Джон писал мне, вернувшись из Томска в Москву 4 апреля 2011 г.: «Я тебе скажу – это ПРАВИЛЬНО, что ПЕРВЫЙ в стране памятник ему поставлен там, где он был в ссылке, там, где его жизнь как драматурга (пишущего для театра) осталась позади, а большая, другая неопределенная жизнь лежала впереди. У него отняли ту жизнь, которую он должен был прожить, когда его сослали. Отняли Мейерхольда, отняли все, что нужно было

этому конкретному, тонкому писателю. Ссылка изменила жизнь этого человека коренным образом и изменила историю русского театра.

Вот эта мемориальная доска установлена прямо ТАМ, где все произошло.

На доске не написано “нашему любимому...”, там написано, что Николай Робертович здесь работал короткое время, когда был в ССЫЛКЕ.

Эта доска свидетельствует, что очень много можно отнять у человека, но нельзя отнять абсолютно все. Н.Р. все равно оказался выше всех, причинявших ему зло. Вот эту зыбкую, но очень большую победу мы с тобой и с другими справили на днях.

Как это было хорошо!»

Открытие доски было специально приурочено к началу работы IV Всероссийской с международным участием научной конференции «Проблемы трансформации и функционирования культурных моделей в русской литературе», которая посвящалась 110-летию со дня рождения Николая Робертовича Эрдмана. И для начала конференции день выбран в соответствии с направлениями ее работы – 1 апреля, День смеха. Потому, что не было в истории русской литературы периода, более богатого произведениями с комическими составляющими, чем пора расцвета дарования Н. Эрдмана – 1920-е годы. В одном пространстве и времени работали В. Маяковский, М. Зощенко, А. Платонов, М. Булгаков, В. Катаев, И. Ильф и Е. Петров и др. Но и на их фоне Н. Эрдмана выделял щедрый дар комического, он владел им виртуозно, всеми его оттенками и формами. Этот дар проявлялся во всех жанрах, в которых он работал, – в стихах, драмах, киносценариях.

Но, думается, не случайно первый постановщик «Мандата» В. Мейерхольд не упоминал в связи с ним дифференцирующих определений – средств, жанров, объектов комического. Он принципиально выделял в выступлениях об этой пьесе «основную линию русской драматургии» [1, с. 95], утверждал, что «линия Гоголь – Чехов – Сухово-Кобылин торжествует» [1, с. 97] уже в «Мандате», и ждал новых произведений этого автора; сражался, сколько мог, за сценическую жизнь «Самоубийцы». Думается, сломали, заставили Эрдмана работать по-другому не только его собственные арест, ссылка, но и уничтожение его режиссера, его единомышленника – лидера мирового театрального движения XX в.

Но Эрдман всегда оставался верен той гуманистической «линии» русской классической литературы, в которой его уверенно прописал Мейерхольд. Во всех его произведениях ощутима и щемящая лирическая нота, понимание хрупкости человеческого счастья, человеческой жизни, и все пронизывающее комическое начало в функциях явного или не явного, но стойкого жизнеутверждения.

Поэтому на обсуждение участников конференции были вынесены проблемы трансформации и функционирования комического в литературе, театре, кино на материале национальных традиций, исторических форм, авторских моделей, а также поисков и достижений Эрдмана в этих видах искусства.

Итоги работы конференции выросли в статьи, которые и составляют основное содержания настоящего выпуска «Вестника ТГПУ».

Список литературы

1. Мейерхольд В. Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы. Ч. II. 1917–1936. М.: Искусство, 1968.
2. Йованович М. «Таких людей нет сейчас». Из записок литературоведа // Русская мысль, Париж, № 4341, 16 ноября 2000; <http://www.pahra.ru/chosen-people/erdman/yovanovich.htm/> Дата обращения 13.02.2011.
3. Эрдман Н. Р. Киносценарии / (вст. ст. А. Коваловой). СПб.: Мастерская СЕАНС, 2010. 784 с.